

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ИМЕНИ А.С.ПУШКИНА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

Издается с 1960 г.

Сборник научных трудов

XVII

Редакция:

Г.А.КОШЕЛЕНКО —

доктор исторических наук, профессор,
Институт археологии РАН

Н.М.СМИРНОВА —

кандидат исторических наук,
Государственный музей изобразительных искусств
имени А.С.Пушкина

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

2005

В.Н. Настич

К ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО БАЛАСАГУНА
(городище Бурана в Кыргызстане)

Предлагаемая публикация — третья из цикла статей о надгробных памятниках с надписями в арабской графике с городища Бурана близ г. Токмака (в 60 км к востоку от Бишкека)¹. В предыдущей работе, посвященной новооткрытым кайракам с территории средневекового города Баласагуна², выражалась надежда на скорое пополнение этого ценного исторического источника. Однако темпы, с которыми это пополнение действительно произошло, опередили самые оптимистические прогнозы.

Упомянутая предыдущая статья еще не была сдана в печать, когда мне довелось ознакомиться с эпитафией 591/1194-95 г., получившей порядковый № 11 и включенной в публикацию в виде дополнения³. Осенью 1986 г. фрунзенский археолог В.Д. Горячева передала мне для исследования и последующего издания фотоснимки еще 3 кайраков⁴ (см. ниже под № 12–14), найденных ею на городище Бурана во время раскопок объекта VII⁵. А в изданном еще год спустя очередном и на данный момент последнем выпуске «Эпиграфики Киргизии»⁶ помещены неточные, с ошибками и пропусками, чтение и перевод одного из буранинских памятников, найденных еще в 1970-х годах Д.Ф. Винником. Этот памятник, которому присвоен № 15, издается здесь вновь: его тексты прочитаны мною по снимку и прорисовке Ч. Джумагулова⁷ и переведены заново с устранением неточностей и ошибок, допущенных в упомянутой публикации.

Таким образом, сегодня мы можем говорить об имеющихся в нашем распоряжении 18 текстах эпитафий арабского письма, происходящих с городища Бурана, — считая вместе с двумя надписями, опубликованными более ста лет назад

¹ Предыдущие работы: *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 221–234 (кайраки 1–4); *он же.* К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989. С. 158–176 (кайраки 5–10 и текст эпитафии из рукописного источника).

² *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна. С. 160.

³ Там же. С. 176–177.

⁴ Статья написана в 1988 г. для сборника Государственного музея искусства народов Востока. После неудачи с изданием сборника она была непредусмотрительно передана некоему И.Н. Емцу, якобы издававшему очередной (?) выпуск альманаха «Эпиграфический вестник», после чего ни «издателя», ни публикации, ни профессионально выполненных для нее фотографий описываемых памятников мне обнаружить не удалось. По последней причине здесь в качестве иллюстраций использованы любительские снимки, сделанные заново по моей просьбе бишкекскими краеведами. Сами памятники на момент их обследования хранились в Институте истории Академии наук Киргизской ССР.

⁵ *Горячева В.Д.* Буранинский отряд (Экспедиционные исследования 1986 г.) // Известия АН КиргССР. Общественные науки. 1987, № 1. С. 68–69.

⁶ Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Сост. Ч. Джумагулов. Фрунзе, 1987. С. 68–70.

⁷ Там же, с. 142–143, табл. XX, 1–4.

(и, кстати, до сих пор не поддающимися полному чтению)⁸, и текстом из сочинения Мухаммада Хайдара «Та'рих-и Рашидӣ» (XVI в.)⁹; иными словами, речь идет уже не об отдельных экземплярах, а о полноценном эпиграфическом комплексе, по информативности сопоставимом с аналогичными комплексами из Ферганы¹⁰ и Прииссыккуля¹¹.

Нумерация вновь публикуемых памятников с Бураны продолжает порядок, принятый в предыдущих работах автора¹².

Кайрак 12 (табл. VII). Плоский удлинённый камень светло-коричневого цвета с розоватым оттенком, разбит посередине на две части. Надпись из 7 строк крупным изящным, но слегка торопливым почерком группы *рейхāнӣ*, с редкой диакритикой и скорее декоративной, чем фонематической огласовкой (здесь не воспроизводится). Без обрамления. Начало предпоследней и конец последней строк сильно повреждены сколами, сопровождающимися разлом камня. Публикуется впервые.

Текст

- (1) هذا القبر السيد الامام
- (2) الاجل عالم مرتضى مجتبی صدر الدين
- (3) كمال العزة خلاصة التنويه جلال ال
- (4) رسول الله المصطفى صلى الله عليه وعلى اله وسلم
- (5) اشرف بن عمر بن محمد سيد المرتضى نور الله مضجعه
- (6) وجعل دار الازل (?) مرجعه في يوم الاثنين
- (7) الثامن عشر من سنة خمس وثلاثون [وس]تمائة

Перевод

(1) Это могила *сеййида*^a, *имāма* (2) славнейшего, ученого^b, благоволимого^c, избранного^d, *садра*^d веры, (3) совершенства чести^e, квинтэссенции достохвальности^ж, величия рода (4) избранного^з посланника Аллāха, — да благословит Аллāх его и [весь] его род и да приветствует! — (5) Ашрафа сына 'Умара сына Мухаммада *сеййида* благоволимого^у, да озарит Аллāх его могилу (6) и сделает обитель вечности (?)^к его пристанищем! [Скончался] в понедельник, (7) восемнадцатого [числа] месяца *раджаб* шестьсот тридцать пятого года⁷.

⁸ Трутовский В.К. Об арабских надписях из Семиреченской области // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. I, вып. I. М., 1889. Протоколы, с. 20, табл. VI, № 1а-в, 2.

⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 162-163; Петровский Н.Ф. Башня «Бурана» близ Токмака // ЗВОРАО. Т. VIII. 1894. С. 351-354; Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893-1894 гг. // Сочинения. Т. 4. М., 1966. С. 55-57; Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди / Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Таш., 1996. С. 459.

¹⁰ Горячева В.Д., Настич В.Н. Эпиграфические памятники Узгена XII-XX вв. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 140-193; они же. Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII-XIV вв. // ЭВ. Вып. XXII. Л., 1984. С. 61-72; см. также: Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Сост. Ч. Джумагулов. Фрунзе, 1982. С. 72-103 и далее.

¹¹ Пантусов Н.[Н.] Кладбище на р. Кунгей-Аксу (Пржевальского уезда, Семиреченской области), близ с. Сазановки // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 11. Таш., 1906 (на обложке — 1907). С. 5-25.

¹² Настич В.Н. Арабские и персидские надписи. С. 221; он же. К эпиграфической истории Баласагуна. С. 159.

Комментарий

^а Букв. 'господина', в специальном значении — 'потомка Пророка': этот титул носили лица, возводившие свою родословную к пророку Мухаммаду через его внука ал-Хусейна (сына 'Али). В тексте это слово в обоих случаях (см. также стк. 5) употреблено без определенного члена =ال, тогда как предшествующее القبر 'могила', наоборот, им снабжено; и то и другое грамматически неверно.

^б В первую очередь в религиозном смысле: улемы (русифиц. العلماء ал-'уламā', мн. ч. от العالم) — признанные и авторитетные знатоки теологии и мусульманского права (имамы, факихи, муфтии, кадии и т.д.), в основном бывшие преподавателями в религиозных учебных заведениях, проповедниками, шари'атскими судьями. Часто могли иметь светские профессии, при этом оставаясь советчиками по религиозным вопросам как для простых людей, так и для правителей¹³.

^в Иначе 'избранного'. المرتضى ал-муртада — один из постоянных эпитетов 'Али б. Аби Талиба, прилагавшийся иногда и к именам его потомков. Вместе с предыдущим سيد, поставленный за именем собственным, он воспринимается здесь как почетное прозвание (лакаб) покойного Ашрафа, а в стк. 5 — и его деда Мухаммада.

^г Все три последних эпитета в нарушение грамматики выбиты без определенного члена =ال.

^д Букв. 'грудь, передняя часть'; 'почетное место', перен. 'глава, предводитель'. В этом последнем значении данный термин употреблялся в Средней Азии как почетный титул предводителей мусульманского духовенства, которые зачастую исполняли и функции светских и судебных властей (ра'ис, кадий и т.п.).

^е Иначе 'достоинства, благородства'. Производные от корня *عزز входили в состав титулатуры религиозных и светских деятелей высокого ранга, а иногда служили своеобразными синонимами верховной власти¹⁴. В более позднее время в Средней Азии (а также, вероятно, в Восточном Туркестане) сформировалось целое сословие *ходжей* (об этом термине см. ниже, коммент. в к кайраку 14), возводивших свое происхождение к пророку Мухаммаду или к его роду, в определенной мере связанных с суфийской деятельностью и носивших титул 'азйзāн (перс.-тадж. عزیزان) или 'азйзлāр (тюрк. عزیزلر, عزیزلار — букв. 'почтенные, уважаемые'; 'дорогие'; употреблялся в застывшей форме мн. ч. при обращении к одному лицу, откуда ясно, что первоначально это был просто pluralis ethicus), ставший впоследствии официальным и даже приобретший оттенок святости¹⁵. Очень возможно, что рассматриваемый эпитет в этой надписи отражает один из ранних этапов формирования упомянутого сословия.

^ж Или 'пророческой сущности' — если читать не التنويه, а النبوية, что в приведенной графической форме равновероятно.

^з المصطفى ал-мустафа 'избранный', в отличие от синонимичного ему المرتضى (см. коммент. в), — один из стандартных эпитетов к имени самого Пророка.

^и См. коммент. а и в.

^к Два слова, сильнее других поврежденные разломом в камне, восстанавливаются предположительно по смыслу контекста с учетом сохранившихся фрагментов букв.

^л По всем синхронистическим таблицам и математическим расчетам, 18 раджаба 635 г.х. приходилось не на понедельник, а на субботу 6 марта 1238 г., поэтому дату следует переводить не 6, а 8 марта этого года¹⁶. Слово 'тридцать' употреблено в прямом падеже — ثلاثون, вместо необходимого по синтаксису косвенного (ثلاثين).

¹³ Ислам: Краткий справочник. М., 1983. С. 107.

¹⁴ Му'ин ад-дин Натанзи. Аноним Искандара // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973. С. 117, сн. 38.

¹⁵ Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника / Критич. текст, пер., коммент., исслед. и указат. О.Ф. Акимовской. М., 1976. С. 31, 275; Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). А.-А., 1981. С. 172, 187.

¹⁶ Подробнее о таких несоответствиях и о возможных причинах их появления в среднеазиатских надписях: Настич В.Н. О достоверности дат в памятниках среднеазиатской эпиграфики // Бартольдские чтения. Год 8. Тезисы докладов и сообщений. М., 1987. С. 69–71; он же. О методах датировки средневековых арабографических памятников эпиграфики Ферганы и Семиречья // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. М., 1995. С. 289–293.

Кайрак 13 (табл. VIII). Ровный удлиненный валун серого цвета. Надпись из 11 строк неплохим ровным *насхом* (первая строка — почерком *сулс*), с диакритикой и редкими огласовками. По одной точке выбито под буквами *د*, *ر* и *ص*, три точки под *س*; буква *ع* в начале строки б дополнена внизу значком *ε*, как бы повторяющим очертания этой буквы в изолированной позиции. Простая линейная рамка с «*михрāбовидным*» навершием, увенчанная несложной плетенкой. Справа за рамкой, против строк 4–5, несколько слов тем же почерком (имя писца). Не опубликован; упоминался в археологическом отчете В.Д. Горячевой¹⁷.

Текст

(1) بسم الله الرحمن الرحيم
 (2) هذا قبر الشيخ الامام
 (3) الاجل العالم الزاهد
 (4) تاج الملة والدين مفتي
 (5) الشرق والصين سيد
 (6) العلما افضل فضلا
 (7) سعيد بن مسعود البلا
 (8) ساغوني نور الله قبره
 (9) في يوم الاثنين الثالث
 (10) عشر من صفر سنة ثلاث
 (11) واربعين وستمائة
 (сбоку) كتبه عمر الحداد

Перевод

(1) Во имя Аллāха милостивого, милосердного. (2) Это могила *шейха*, *имāма* (3) славнейшего, ученого^а, праведного^б, (4) венца общины и веры^в, *муфтия*^г (5) Востока и *ас-Сйна*^д, господина (6) ученых^е, превосходнейшего из превосходных^ж (7) Са'йда сына Мас'уда ал-Балā(8)сāгунй^з, да озарит Аллāх его могилу! (9) [Скончался] в понедельник, три(10–11)надцатого *сафара* шестьсот сорок третьего года^и. (сбоку) Написал это 'Умар-кузнец.

Комментарий

^а См. коммент. б к кайраку 12.

^б Букв. 'аскет, подвижник'; ср. коммент. а к кайраку 2 и коммент. в к кайраку 5 в предыдущих статьях¹⁸.

^в Структурно и семантически эти три слова можно было бы считать *лакабом* покойного *Тāдж ал-милла ва-д-дйн*, но в традиционном применении *лакаб* должен предварять 'алам (имя собственное) или *кунйу* по имени сына¹⁹. Здесь же между ними и личным именем Са'ид — еще три разных титула.

^г *Муфтий* — должностное лицо, выносящее решения по религиозно-правовым вопросам (*фетвы*).

^д Об этом титуле еще в начале прошлого столетия подробно писал немецкий ориенталист М. Хартманн²⁰. Топоним *الصين*, обычно переводимый как 'Китай', здесь имеет более специфическое значение. Средневековые географы мусульманского культурного круга распространяли это определение практически на все территории, расположенные к востоку от Мавераннахра, входившего в *Маширик* (или, как в наших надписях, *Шарк* — одно-

¹⁷ Горячева В.Д. Буранинский отряд. С. 68–69.

¹⁸ Настич В.Н. Арабские и персидские надписи. С. 226; он же. К эпиграфической истории Баласагуна. С. 161.

¹⁹ Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М., 1985. С. 146–147.

²⁰ Hartmann M. Archäologisches aus Russisch-Turkestan. III // Orientalistische Litteratur-Zeitung. 9. Jahrgang. В., 1906. S. 297–304.

коренные синонимы для понятий 'восток' и 'Восток'), поэтому воспринимать топоним *ас-Сйн* как собственно 'Китай' в современном понимании нельзя: ср., например, у ал-Истахри, который относил к *ас-Сйну* (в персидском варианте — چين *Чин*) «все страны тюрков», исторически не входившие в состав китайских государств, и вообще отождествлял «страну Чин» с Туркестаном²¹.

^e Или что-то наподобие 'сеййида среди улемов' (ср. коммент. *a* и *б* к кайраку 12).

^ж Эпитеты на основе корня *فضل, судя по употреблению их в памятниках средневековой эпиграфики с территории Киргизии и других мест Средней Азии²², уже в то время широко использовались применительно к ученым-богословам едва ли не как полные синонимы العالم и его производных (ср. выше, коммент. *a* и *e*).

^з *Нисба* по названию города Баласагуна, который (теперь уже несомненно) находился на месте современного городища Бурана; см. также стк. 5 надписи кайрака 3 в первой статье цикла²³.

" Соответствует 10 июля 1245 г.

Кайрак 14 (табл. IX). Уплощенный серый камень овальных очертаний с широким выступом справа. Надпись из 8 строк (последняя строка состоит из одного слова) крупным почерком *иджāза* раннего стиля, с пропусками в диакритике и «лишними» точками под буквами *س* и *ر*. В одном случае тремя точками снизу отмечена буква *س*, в другом — *ع* (точки сверху; стк. 7). Текст охвачен простой пятиугольной рамкой с пальметообразным фестом наверху. Без даты; по палеографическим данным может относиться к домонгольской эпохе²⁴. Публикуется впервые.

Текст

(1) هذا قبر الشيخ
(2) الامام الاجل شيخ الاسلام
(3) والمسلمين خواجه اجل محترم
(4) مكرم الملقب علا الدنيا والد
(5) ين حجاج داشمند (!) بن محمد دا
(6) شمند (!) رحمة الله عليه نور
(7) الله مضجعه امين رب
(8) العالمين

Перевод

(1) Это могила^a *шейха*, (2) *имāма* славнейшего, *шейха* ислама (3) и мусульман^б, *хвāджи*^в славнейшего, уважаемого, (4) почитаемого^г, [известного] по прозвищу 'Алā' ад-дунйā ва-д-д(5)йн^д Хаджжāдж^е *дāшманд*^ж сын Мухаммада *дā(б)шманда*^з, [да будет] над ним милость Аллāха, — да озарит (7) Аллāх его ложе^з! Аминь, Господи (8) миров!

Комментарий

^a С определенным членом =|, здесь грамматически излишним.

^б Сомнительно, чтобы титул *шейх ал-ислаm ва-л-муслиmйн* в этой, как и во многих других среднеазиатских надписях, обозначал одну из высших должностей в странах ислама.

²¹ Подробнее об этом: *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи. С. 232–233.

²² *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Узгена, кайраки 5 и 20; *они же.* Эпиграфические памятники Сафид-Булана, кайраки 6, 7, 9 и 10; *Мухтаров А.* Эпиграфические памятники Кухистана (XI–XIX вв.). Кн. 1. Душ., 1978. С. 24, 33, 73–75 и др.

²³ *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи. С. 228 сл.

²⁴ Почерк надписи весьма сходен с палеографией узгенских кайраков 9 и 20: один из них не датирован, на втором указана дата 2 шаввāла 607 г.х. (19 марта 1211 г.): *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Сафид-Булана. С. 164, 168.

Скорее всего, здесь мы имеем дело с номинацией предводителя духовенства городского или общинного масштаба.

^е Этот термин (в русскоязычной передаче — обычно в форме *ходжа*; букв. ‘хозяин, господин’; ‘знатный/уважаемый человек’; ‘учитель’), этимология которого окончательно не выяснена, а семантика и сфера применения с течением веков претерпели значительные изменения²⁵, в среднеазиатских надписях XII–XIV вв. встречается сравнительно нечасто и относится к лицам различного социального положения и рода занятий. Во всех случаях, включая и упоминания в нарративных источниках и актовых документах, он прилагался исключительно к людям грамотным, образованным; а так как грамотность здесь в первые века ислама, естественно, ассоциировалась прежде всего с арабским языком и умением читать Коран, то со временем слово *خواجه* стало осмысляться и как ‘потомок арабов’²⁶.

^з Четыре последних слова, начиная с *خواجه*, употреблены без члена =*ال*, как и в некоторых других надписях из Средней Азии — например, кайрак 1 из Сафид-Булана²⁷ или узгенский кайрак 1, стк. 6 (имеется в виду слово *ḫāqān*)²⁸, — это явление, очевидно, связано с неарабским происхождением ключевого слова, подчинение которого правилам арабского синтаксиса было еще непривычным.

^д *Лақаб* с лексическим значением ‘Величие мира и веры’.

^е Очевидно, персонифицированный *лақаб* со значением ‘[многократный] паломник’, вместе с последующим прозвищем (см. сл. коммент.) полностью заменивший имя собственное покойного; ср. кайрак 5, коммент. *д* в статье 1989 г.²⁹.

^ж *Дайшманд* — искаж. перс. *دانشمند* *дәнишманд* ‘ученый, мудрец’, практически полный синоним араб. *العالم* (см. коммент. *а* к кайраку 12), может быть, несколько менее связанный с религиозными науками.

^з *المَضْبَع* — эфемистический метоним для понятия ‘могила’. Вся инвокация обращена к покойному Хаджжаджу, в отличие от предыдущей *رحمة الله عليه* *рахмату-ллāхи ‘алайхи*, относящейся к его отцу Мухаммаду и, кроме всего прочего, означающей, что этого последнего к моменту составления эпитафии тоже уже не было в живых.

Кайрак 15. Чтение и перевод предприняты мною по изданным фотоснимку и прорисовке Ч. Джумагулова (см. выше, примеч. 6), которому принадлежит и приводимое здесь описание внешних данных памятника: «Камень темно-голубого цвета неправильной формы размером 38×26 см. Надпись нанесена с двух сторон слабо, врезным способом. В нижней, удлиненной части текста нет: этой частью камень должны были установить на могиле»³⁰. Судя по опубликованному снимку, обе надписи (ниже под номерами 15-А и 15-Б; первая — 5-строчная, вторая — из 3 строк, с повреждениями, без обрамления) выполнены куфическим письмом архаичного стиля, восходящего к саманидскому или раннекараханидскому времени (до XI в. включительно), напоминающего почерк некоторых наиболее старых эпитафий, не датированных текстуально, содержащих в тексте только цитаты из Корана и иногда имена покойных без каких-либо эпитетов, титулов и т.п.³¹. Как мы увидим ниже, данный памятник относится к упомянутой группе не только по внешним признакам, но и по содержанию надписей.

Текст 15-А

(1) بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
(2) شَهِدَ اللّٰهُ اَنَّهُ لَا اِلٰهَ اِلَّا هُوَ
(3) [و]الملائكة والوا (!) العلم قائما [بالقسط]

²⁵ *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна. С. 174.

²⁶ Подробнее об этом термине в семиреченских надписях см.: там же. С. 174–175.

²⁷ *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Узгена. С. 62.

²⁸ *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Сафид-Булана. С. 144.

²⁹ *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна. С. 161.

³⁰ Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. С. 69.

³¹ Подробно об этой группе памятников: *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна. С. 172–174.

(4) لا اله الا هو العزيز الحكيم ان الد
(5) ين عند الله السلام (!) حرب (?) ابن يعقوب

Перевод

(1) Во имя Аллāха милостивого, милосердного. (2) «Свидетельствует Аллāх, что нет божества, кроме Него, (3) [и] ангелы, и обладающие^а знанием, которые^б стойки [в справедливости^в]: (4) нет божества, кроме Него, великого, мудрого! Поистине, ре(5)лигия пред Аллāхом — ислам^г». Х.р.б (?)^е сын^ж Йа'кūба^з.

Комментарий

^а В слове وأولوا пропущен средний *vāv*.

^б Любопытно нестандартное для данного почерка начертание конечного *mīm* — без головки и с изгибом «хвостика» снизу вправо: подобная форма этой буквы по другим памятникам мне неизвестна.

^в Слово *بالقسط*, вероятно, осталось не прорисованным в эстампаже Ч. Джумагулова из-за того, что при изготовлении надписи оно попало на узкое ребро камня с переходом на тыльную сторону: на опубликованном им же фотоснимке этому слову (или его фрагменту) могут соответствовать неясные светлые пятна в нижней части правого выступа³², не замеченные или не понятые публикатором.

^г Слово выбито без начального *алифа* после члена =ال.

^д Коран, 3:16–17 (18–19). Пер. И.Ю. Крачковского.

^е Слово, означающее имя покойного, нечетко видно на опубликованном снимке и, очевидно, искажено в прорисовке³³, но и независимо от этих нюансов его графика допускает разночтения, не позволяющие однозначно определить фонематический состав имени и его языковую (соотв. этническую) принадлежность. Одна из возможных версий — араб. *Харб*: не исключено также чтение *حارث* *Хāрис*, несколько менее вероятное из-за отсутствия *алифа* после первой буквы: правильно — *حارث*, хотя начертание без *алифа* для домонгольского времени тоже не редкость, а в монетных надписях почерком *кūфй* (напр., на динарах сельджукского султана Абу-л-Хариса Санджара б. Маликшаха, 1118–1157) иногда оказывается нормативным.

^ж Если начальный *алиф* не относится к предыдущему имени, которое в этом случае имело бы еще более сомнительный вид — что-то наподобие *حريا* (?), то с него может начинаться отчество покойного: несмотря на ошибочность такой формы слова *ابن*, которое в нормативной орфографии должно утрачивать *алиф* между именем собственным ('алам) и именем отца (*насаб*), она встречается в среднеазиатских и других арабских надписях довольно часто.

^з Имя *يعقوب* здесь читается неуверенно из-за искажений в прорисовке, но с учетом его повторения в надписи 15-Б (см. ниже) такое чтение представляется мне единственно возможным.

Текст 15-Б

(1) لا اله الا
(2) الله / محمد رسول الله
(3) <...> (?) بن يعقوب

Перевод

(1) Нет Бога, кроме (2) Аллāха^а, / Мухаммад — посланник Аллāха. (3) <...>^к сын Йа'кūба.

Комментарий

^а Выбито над следующим за ним *محمد*.

^к Слово, совершенно невидное на фотоснимке и обозначенное в прорисовке Ч. Джумагулова как сбитое, поэтому нельзя не восхищаться уверенностью, с которой публикатор

³² Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. С. 143, рис. 3.

³³ Там же. С. 142, рис. 1 и 2.

читает здесь *کاتب* и, игнорируя грамматическую форму своей «догадки», предлагает перевод — «написал [это]»³⁴. Мне представляется вполне однозначно, что здесь должно быть помещено имя собственное (аналогично окончанию надписи 15-А), только это не повторение имени покойного, а действительно подпись изготовителя эпитафии, который, судя по отчеству, приходился ему родным братом. Как бы то ни было, предлагаемая Ч. Джумагуловым «конъектура» неприемлема в любом случае — ни вместо утраченного имени, ни перед ним.

* * *

В предыдущих публикациях эпитафий с городища Бурана рассматривалась в основном конкретная текстовая информация, заключенная в надписях, так сказать, в открытом виде. Теперь, когда буранинский эпиграфический комплекс и по числу памятников, и по их совокупной информативной ценности уже вполне сопоставим с другими подобными группами — такими, например, как сафидбуланская (16 надписей с кладбища у мавзолея Шах-Фазил в Ала-Букинском районе Ошской области)³⁵ или узгенская (22 памятника)³⁶, можно сделать и некоторые обобщения.

В отличие от надгробных камней из Ошской области или Прииссыккуля, обнаруженных «в свету», на поверхности земли, на обширных кладбищах возле древних или относительно новых мазаров (и поэтому в большинстве своем до сих пор находящихся в активном религиозно-культурном обиходе в качестве объектов поклонения и даже атрибутов местного легендария — для подтверждения «историчности» древних и создания новых преданий), буранинские кайраки имеют почти исключительно археологическое происхождение, выкопаны из земли в разных местах городища и вокруг него сравнительно недавно и еще лет сорок назад не были известны вообще.

Хронологически все буранинские эпитафии, включая и недатированные или утратившие даты в результате повреждений (и потому датируемые относительно, по палеографическим данным), укладываются в промежуток XII — середина XIII в.; другими словами, все они относятся к караханидской или первым десятилетиям монгольской эпохи. Особняком стоит лишь не имеющий физического оригинала текст эпитафии, воспроизведенный автором XVI в. Мухаммадом Хайдаром: если верить указанной в рукописях дате 711/1311-12 г., якобы относившейся к надписи из «местности *Джуд*» (или *Джуд*; бассейн р. Чу), то предполагаемый оригинал ее должен происходить из государства Чагатаидов времени Кепек-хана и Эсен-Буги (1309–1326). Более поздних надписей здесь нет, и это вполне согласуется с известными археологическими данными о поздней временной границе существования города Баласагуна — около рубежа первой–второй трети XIV в.³⁷

С другой стороны, искать какую-либо закономерность в хронологическом распределении эпитафий внутри очерченного ими периода или в сословно-профессиональном составе их «адресатов», очевидно, преждевременно: места находок — самые различные, как в пределах выявленных городских стен, так и за ними; обстоятельства выявления кайраков — скорее случайные, о конкретной функциональной привязке их к тем или иным объектам в большинстве случаев говорить не приходится. Пожалуй, единственное, что можно предполагать с определенной

³⁴ Там же. С. 69, 70.

³⁵ Из них 14 сохранились *in situ*, еще две известны по архивным материалам или прежним публикациям: Горячева В.Д., Настич В.Н. Эпиграфические памятники Сафид-Булана. С. 62, 70–71.

³⁶ Из них 13 сохранились *in situ*, две находятся в Самаркандском историко-краеведческом музее, местонахождение еще семи эпитафий неизвестно. Горячева В.Д., Настич В.Н. Эпиграфические памятники Узгена. С. 141–143.

³⁷ Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983. С. 55–56, примеч. 5.

уверенностью, — это то, что все они когда-то находились на кладбищах Баласагуна и его ближайшей округи. Поэтому буранинские эпитафии, очевидно, следует считать и называть не комплексом, обладающим определенной внутренней системной организацией, а достаточно случайно сложившейся коллекцией со всей присущей ей виртуальностью, любая попытка строгой систематизации которой в ее нынешнем состоянии рискует быть сведенной на нет первым же вновь найденным памятником. Хорошим примером такой возможности служат надписи кайрака 13, заставившие усомниться в достоверности текста эпитафии 711 г.х. из «Та'рйх-и Рашйдй» (см. ниже). Поэтому и впредь я считаю достаточным при изучении новых находок пока ограничиваться позитивным обзором содержания надписей и (по необходимости) их внешних, формальных данных, прибегая к обобщениям лишь настолько, насколько позволяет общая бессистемность материала, и только к таким, которые менее всего могут быть поколеблены любой возможной новой информацией.

Из четырех рассмотренных памятников три определенно принадлежат лицам духовного звания — имамам, муфтиям, высокообразованным знатокам богословия и других наук, принадлежавшим, надо полагать, к религиозной верхушке мусульманского населения Баласагуна XII–XIII вв. Один из них (кайрак 12) носил звание *сеййида*, при перечислении его достоинств названо и такое, как «величие рода избранного посланника Аллаха», что в сочетании с эпитетом *المرتضى* (строки 2 и 5), в двойном повторении которого подчеркнуто наследственное владение этим высоким прозвищем, недвусмысленно указывает на возведение его генеалогии к зятю пророка, последнему «праведному» халифу 'Али (уб. в 661 г.). Впрочем, попытка найти в надписи свидетельства других, более конкретных заслуг усопшего помимо его многократно подчеркнутой высокородности и достаточно скромно отмеченной учености оказалась безрезультатной: очевидно, потому что пророка и не надо было выделяться чем-то еще, кроме происхождения.

В надписи 13, наоборот, несколько раз и разными терминами подчеркивается высокая образованность, а также — если я правильно понимаю титул 'муфтий Востока и *ас-Сйна*', усиленный употреблением «местной» нисбы *ал-Балас-гунй*³⁸ — широкая известность покойного шейха Са'ида в разных концах мусульманской ойкумены той эпохи. Другой особенностью эпитафии является ее сопровождение именем исполнителя текста: этот факт, интересный сам по себе, приобретает особое звучание благодаря неожиданному и, кажется, неслучайному совпадению с «подписью» автора обитуария из сочинения Мухаммада Хайдара, одно из возможных объяснений которому будет подробно рассмотрено ниже.

Кайрак 14 интересен прежде всего тем, что ученость его «адресата» выражена в тексте двумя разными терминами и оба раза не по-арабски: это *خواجه* *хвāджа* (ходжа), имеющий неясное, очевидно, санскритское происхождение³⁹, и перс. *دانشمند* *дāншиманд*, в искаженной форме *دائشمند* *дāшманд*, повторенный в тексте дважды. Повторное упоминание термина в таком виде заставляет считать его не случайной опiskeй или орфографической ошибкой, а местной вульгатой-алломорфом. На то, что родным языком автора эпитафии мог быть именно фарси, помимо отмеченной лексики довольно определенно указывают и характерные погрешности против арабской грамматики — в частности, отмеченные в комментариях *а* и *г* вольности в обращении с определенным артиклем: эпитеты-определения к *خواجه* в строках 3 и 4 выглядят как самый обычный персидский *изафет*.

³⁸ *Настич В.Н.* Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и Южного Казахстана // *Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока.* М., 1984. С. 167, 171.

³⁹ Приношу благодарность В.А. Лившицу за это указание.

Малоинформативный текст кайрака 15 на первый взгляд не может вызвать сколько-нибудь заметного интереса. Тем не менее имеющиеся данные об известных в регионе и за его пределами аналогичных памятниках с текстом аятов 16–17 суры 3 Корана, почти исключительно архаичных по почерку и лишь изредка содержащих предельно краткие упоминания имен погребенных, благодаря этой надписи обогащаются новым позитивным фактом, а выводы, сформулированные в предыдущей работе по поводу буранинского кайрака 10⁴⁰, еще более подкрепляются тем, что целиком применимы и к кайраку 15, хотя и не во всем похожему на своего ранее найденного «близнеца».

Возвращаться вновь к эпитафии с именем *имāма Мухаммада факīха Балāс[а]кунī* и датой 711/1311-12 г. из «Та'рйх-и Рашйдī» мирзы Мухаммада Хайдара дуглата (середина XVI в.; далее — МХ), неоднократно опубликованной и давно введенной в научный оборот, казалось бы, нет необходимости. Между прочим, еще Н.Ф. Петровский выражал уверенность в точности сведений об эпитафии в списках «Та'рйх-и Рашйдī»⁴¹, а следовательно, и в реальности когда-то существовавшего оригинала. Эта уверенность была позднее разделена и В.А. Крачковской, по словам которой, «вся конструкция текста в том виде, как его перевел Н.Ф. Петровский, настолько точно соответствует традиционной и часто встречаемой форме арабских надгробных надписей, что можно было бы русский перевод заменить предположительным арабским текстом»⁴².

Вполне естественно, что поначалу и автор этих строк, находясь под обаянием таких авторитетов и не видя причины оспаривать их мнение, считал текст МХ нормальной копией с намогильного камня, может быть, даже когда-то виденного составителем хроники XVI в. в натуре. Правда, меня все же настораживала дата 711, в которой 'семьсот' могло оказаться искаженным 'шестьсот'⁴³, а также слово لوح *лавх* (араб.-перс. 'доска, плита' и т.п.), которым был назван памятник в разных списках сочинения. Нам известны многие десятки каменных надгробий со специально уплощенными (и даже отполированными) для письма поверхностями, которые действительно можно назвать плитами, но почти все они происходят из западных областей Мавераннахра или из Южного Казахстана и датируются, за редчайшими исключениями, начиная с последней четверти XIV в. Намогильные кирпичи, которые автор XVI столетия тоже мог назвать «плитами», наоборот, не встречаются позднее XII в.; кроме того, даже для Ферганы они чрезвычайно редки⁴⁴, а в Семиречье вообще не обнаружены⁴⁵. Впрочем, для автора середины XVI в. термин لوح мог уже означать просто 'надгробие', независимо от его внешней формы: ср. явно очень позднюю надпись из Узгена⁴⁶, где этим словом назван именно «традиционный» кайрак с необработанной (но, впрочем, достаточно ровной плоской) поверхностью.

Однако новые данные, сообщаемые некоторыми из рассмотренных выше реально существующих надписей на камнях, происходящих из тех самых мест, где информатор кашгарского полководца якобы видел зафиксированный им во всех подробностях текст, заставляют сомневаться не только в точности приве-

⁴⁰ *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна. С. 172–174.

⁴¹ *Петровский Н.Ф.* Башня «Бурана» близ Токмака // ЗВОРАО. Т. VIII. 1894. С. 353.

⁴² *Крачковская В.А.* Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии) // ЭВ. Вып. VII. 1953. С. 61.

⁴³ *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи. С. 231, примеч. 16.

⁴⁴ *Ахраров И.* Средневековый кирпич с надписью (городище Кува) // Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Кн. 7. Таш., 1963. С. 220–223.

⁴⁵ *Настич В.Н.* Намогильный кирпич из Караспана // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. А.-А., 1981, № 2. С. 50.

⁴⁶ *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Узгена. С. 176, надпись 15-Б, стк. 12.

денной в рукописи даты эпитафии⁴⁷, но и в подлинности самого текста. В частности, упомянутые выше сомнения, со временем затихшие, всколыхнулись с новой силой после находки на Буране кайрака 13, датированного 643/1245 г. и подписанного именем *عمر الحداد* 'Умар-кузнец, в свете которой совсем иначе стало восприниматься и имя покойного *Мухаммада сына фак̄иха ал-'Умар[ū] ал-Балāsāgūnī* на ранее опубликованном кайраке 3 без указания даты⁴⁸.

Такое двойное текстуальное совпадение заставило более пристально взглянуть в текст МХ, в результате чего и погрешности в нем, казавшиеся прежде случайными и не слишком принципиальными, приобрели гораздо более определенный смысл.

Во-первых, употребление при именах собственных терминов сословно-профессиональной принадлежности без определенного члена =ال (в данном случае упомянутых в тексте МХ *فقيه* и *شيخ*, а также *حداد* при имени писца 'Умара), хотя и нередкое в среднеазиатской эпиграфике, все же ошибочно с точки зрения нормативной арабской грамматики и, как правило, объясняется иноязычием авторов надписей, плохо знавших чужой для них арабский язык. Но такое объяснение в нашем случае противоречит оригинальной или по крайней мере необыденной лексике и довольно сложному синтаксису второй, вотивной, части эпитафии, что предполагает и достаточно высокую грамотность составителя текста и с чем вполне согласуется прибавленный к его имени титул *خواجه* *хвāджа* (ср. кайрак 14, стк. 3). Следовательно, в отмеченных погрешностях мы вправе винить не столько кузнеца 'Умара-ходжу, сколько неизвестного нам информатора мирзы Мухаммада Хайдара, об уровне грамотности которого особенности текста могут поведать не менее объективно.

Во-вторых, *нисба* по названию Баласагуна в тексте МХ приведена в графической форме *بلاستقوني*, резко расходящейся с начертанием топонима, принятым уже в караханидскую эпоху, отраженным в подавляющем большинстве упоминающих его исторических и географических сочинений⁴⁹ и, учитывая «местные» надписи кайраков 3 и 13, употреблявшимся в XII–XIII вв. в качестве единственно правильного — *البلاساغوني*, с долгим *ā* после *س* и следующим за ним *غ* (а не *ق*, как в МХ), и в любом случае с членом =ال; исключений из этого последнего правила в эпиграфике Средней Азии XI–XV вв. мы не знаем даже для надписей на фарси, который, как известно, вообще мог прекрасно обходиться без арабского артикля.

В-третьих, существует большая вероятность того, что под именами *عمر الحداد* в надписи 643 г.х. и *عمر خواجه حداد* в МХ скрывается одно и то же лицо: не слишком ли много для одного города грамотных кузнецов, «промышлявших на досуге» изготовлением надгробных надписей и носивших одно и то же, хотя и достаточно распространенное имя, а также не слишком распространенный в ремесленной среде титул? Но само допущение такой вероятности ставит под сомнение одну из сопоставляемых дат, в интервале между которыми (66 солнечных лет) активная профессиональная деятельность одного человека может длиться лишь в порядке исключения. Естественно, такой сомнительной датой будет не год 643, указанный на кайраке 13, а именно 711 г.х. в рукописях сочинения XVI в., при создании и особенно последующей переписке которых возможность ошибки неизмеримо выше, чем в конъюнктурном лапидарном памятнике, уникальном в силу своего «персонального» и «разового» назначения. Кстати, в нашем случае

⁴⁷ Любопытно, что в тюркоязычной «кашгарской» версии сочинения (*Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. С. 163*) дата приведена не по-арабски, как указано в персидской версии (см.: там же), а переведена на тюркский и как бы вынесена за пределы текста собственно эпитафии.

⁴⁸ *Настич В.Н. Арабские и персидские надписи. С. 228–231.*

⁴⁹ *Бартольд В.В. Баласагун // Сочинения. Т. 3. 1965. С. 53, примеч. 78.*

для появления ошибки в подобной дате нужно совсем немного: достаточно в непунктированном арабском тексте появиться случайному пятну или утолщению (в данном случае — выемке в камне) на соединении 4-го зубца с буквой م в слове *ستمائة* 'шестьсот', чтобы оно превратилось в *سبعائة* 'семьсот' — при том что обратный процесс физически невозможен.

Все эти погрешности и сомнения приводят к мысли о том, что эпитафия МХ, если она вообще когда-либо существовала в природе, не была скопирована точно и непосредственно с оригинала, а в лучшем случае записана по памяти или же просто «отредактирована» автором XVI в., придавшим ей более привычные для своего времени стиль и структуру, а заодно и грамматические и орфографические неточности, соответствующие его собственной глубине познаний в арабском языке. (Для сравнения напомним, что в надписи кайрака 13, изготовленной «настоящим» 'Умаром-кузнецом, нет ни одной языковой ошибки.) Но приняв эту мысль, следует допустить и повышенную вероятность искажения даты, и без того, как мы видели, довольно сомнительной. Если же снова вспомнить текст на кайраке 3 с именем «настоящего» Мухаммада сына *фақиха* ал-Баласагуни, от которого версия МХ отличается лишь отсутствием связующего *بن* 'сына' и еще одной (первой по упоминанию) *нисбы* [العمرى], то, учитывая и факт совпадения в обоих источниках имени писца-кузнеца 'Умара, это и вовсе наводит на мысль о некоем «гибриде», составленном из фрагментов разных намогильных памятников и доведенном до состояния связного текста усилиями грамотного, но не блиставшего крепкой памятью информатора, с не вполне понятной целью представившего нашему летописцу сие творение под видом подлинного текста.

Как бы то ни было, независимо от того, могло ли быть предполагаемое искажение результатом механического повреждения оригинала или копии, случайной опиской либо сознательной «редакцией», одно лишь сомнение в точности воспроизведения (не говоря уже о том, что в конечном счете под сомнением оказывается самая аутентичность) текста в целом и указанной в нем даты в особенности, — а для такого сомнения, на мой взгляд, приведенных соображений более чем достаточно, — выводит информацию МХ о «плите с надписью почерком насх» за рамки полной надежности. Не оспаривая в целом правомерности высказанной другими авторами версии о существовании города Баласагуна в начале XIV в., в основе которой, кстати, и лежит прежде всего сообщение «Та'рих-и Рашиди»⁵⁰, следует заметить, что в свете вышеизложенного именно по этому конкретному пункту сочинение Мухаммада Хайдара полноценным источником быть не может.

Справедливости ради нужно сказать, что отмеченный факт ни в коей мере не принижает ценность этого источника в целом. Более того, мне представляется, что именно по части сведений о погибшем городе, на развалинах которого и была якобы обнаружена упоминаемая выше плита с надписью, в достоверности данных МХ сомнений нет. Как ни парадоксально на первый взгляд, уверенность в этом подкрепляется тем, что Мухаммад Хайдар вообще не знал о местоположении Баласагуна и даже не пытался сопоставлять название города с каким-либо конкретным пунктом в этой или любой другой местности⁵¹. О соответствии описания источника реальным археологическим объектам и о правомочности сопоставления его с близким по содержанию сообщением из «Бахр ал-асрār» Махмуда ибн Вали (XVII в.), мне кажется, доказательно изложено в моей предыдущей статье⁵².

⁵⁰ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. 2, ч. 1. 1963. С. 262; он же. Баласагун. С. 357.

⁵¹ Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 56.

⁵² Настич В.Н. К эпиграфической истории Баласагуна. С. 174–177.

Полную ясность во все эти вопросы, разумеется, могла бы внести находка самой «плиты с надписью», текст которой так подкупающе правдоподобно воспроизведен в сочинении XVI в. Однако изложенные выше результаты текстологического анализа, в совокупности достаточные для обоснованного предположения, что «протографами» той эпитафии являются именно буранинские кайраки 3 и 13, практически не оставляют надежды на то, что она когда-нибудь будет найдена.

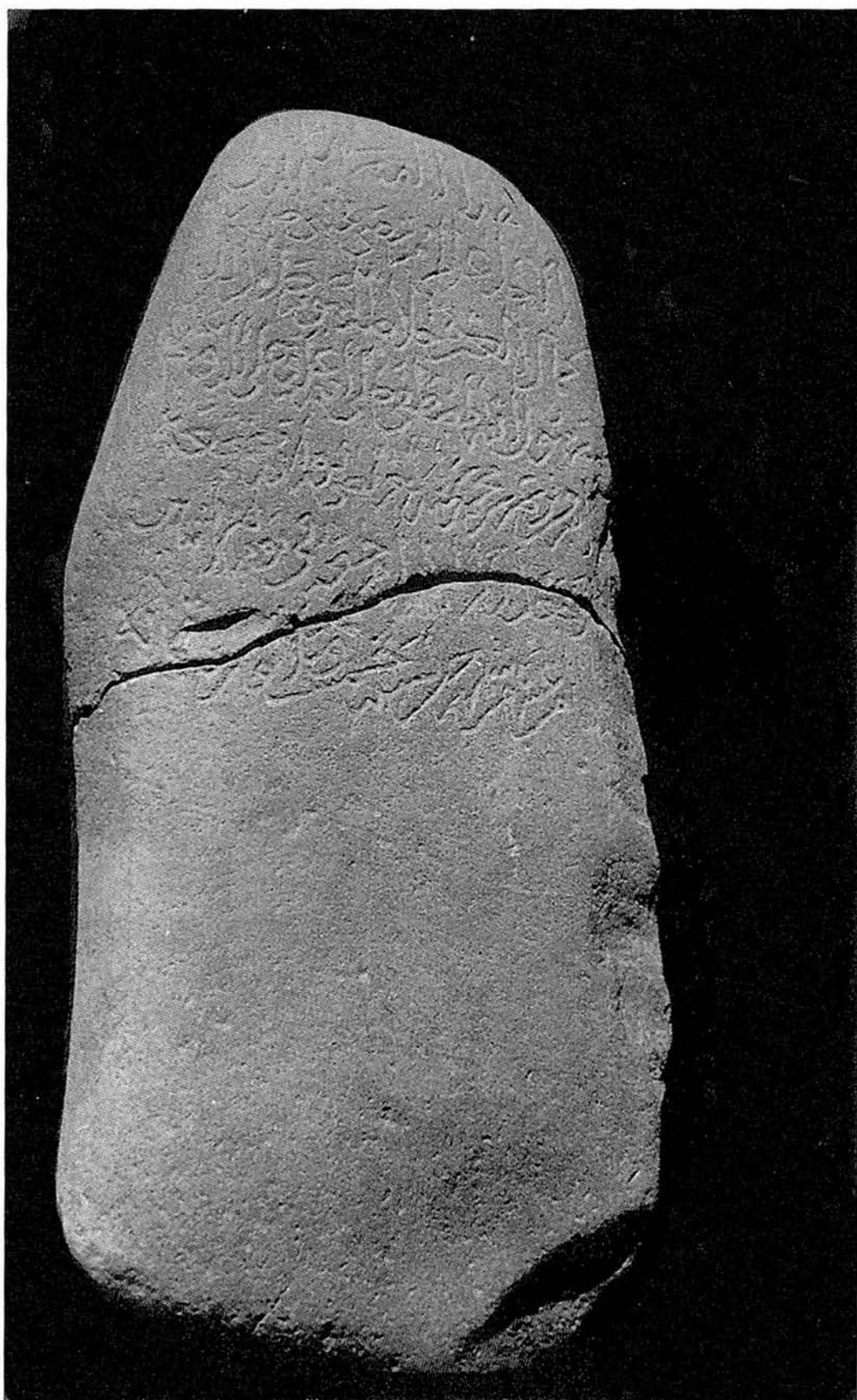
V.N. Nastich

NOTES ON THE EPIGRAPHIC HISTORY
OF MEDIAEVAL BALASAGHUN
(the Site of Burana, Kyrgyzstan)

The article contains a description, Russian translation and textological analysis of three more medieval gravestones found recently on the site of Burana (60 km eastward of Bishkek, the capital of Kyrgyzstan), which, alongside with other similar monuments known before from that vicinity, comprise an informative aggregate source rendering important data to the medieval history of Semirechye⁵³. A new glance at the content of the epitaph cited in *Ta'rikh-i Rashîdî* by Mirza Muhammad Haidar Dughlat (16th century AD) in the light of the genuine stone inscriptions under review allows to affirm, firstly, that the memorial described in *Ta'rikh-i Rashîdî* has most probably never existed in reality and must have been invented as a 'mule' composed from the text parts of two or more real obituaries; secondly, that the same written source should be considered highly accurate as regards verifying the location of ancient Balasaghun, namely in the place of the archeological remnants nowadays named Burana.

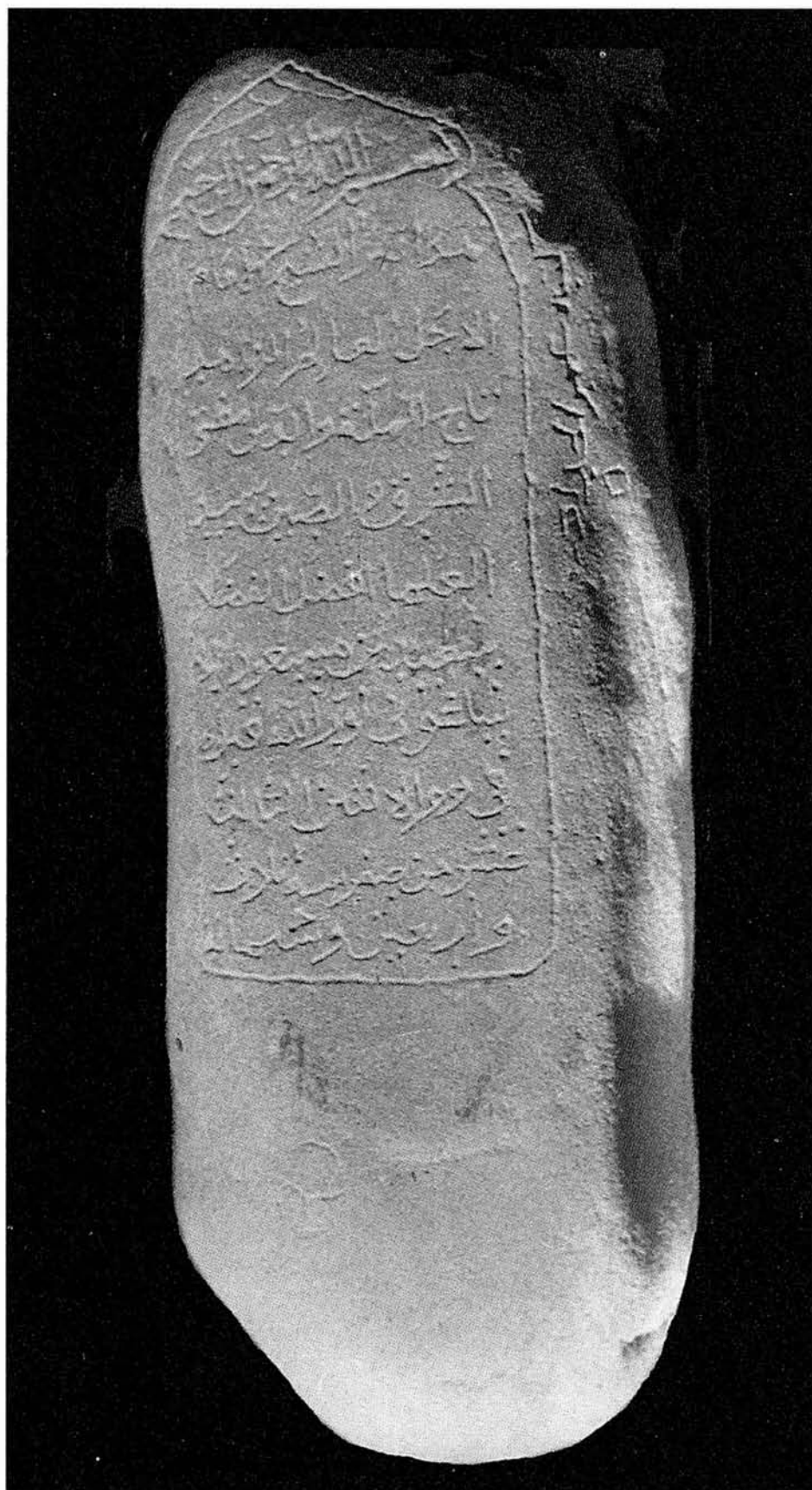
⁵³ The author's previous publications: V.N. Nastich. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 221–234; он же. К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции). Фрунзе, 1989. С. 158–177.

Таблица VII

Кайрак 12

Таблица VIII

Кайрак 13

Кайрак 14